

Tatiana V. Gorlova

Galina D. Neganova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Historical and Etymological Interpretation of the Old Street Names of the Town of Nerekhta in Central Russia

Voprosy onomastiki, 2022, Vol. 19, Issue 2, pp. 250–262

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.027

Language of the article: Russian

Горлова Татьяна Владимировна

Неганова Галина Дмитриевна

Костромской государственной университет, Кострома, Россия

Историко-этимологическая интерпретация старинных топонимов города Нерехты в Центральной России

Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 2. С. 250–262

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.027

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.027
УДК 811.161.1'373.21 +
+ 811.161.1'282.2(470.317) +
+ 94(470.317)

Т. В. Горлова
Г. Д. Неганова
Костромской государственный университет
Кострома, Россия

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТАРИННЫХ ГОДОНИМОВ ГОРОДА НЕРЕХТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Нерехта — малый провинциальный город Центральной России, известный с начала XIII в., — возникла и развивалась параллельно с Костромой, Ярославлем, Москвой, являлась одним из центров солеварения средневековой Руси, ныне это районный центр Костромской области. В статье отражены результаты историко-этимологического анализа топонимов Нерехты XVI в. Источниками исследования послужили писцовые книги, духовные и договорные грамоты, а также данные картотеки «Костромского областного словаря» и полевые записи, сделанные в Нерехте и Нерехтском районе в 2017–2019 гг. Выявленные в исторических источниках названия улиц Нерехты, бытовавшие в XVI в., сгруппированы по характеру номинации: 1) отантропонимные топонимы; 2) отэклезионимные топонимы; 3) топонимы, содержащие во внутренней форме указание на характер окружающего ландшафта; 4) топонимы с затемненной мотивировкой. С привлечением данных диалектологии, истории и этнографии предпринята попытка определить связи проприальных и апеллятивных лексем в говоре нерехтской этнодиалектной зоны. Особенности структурных моделей топонимов Нерехты обозначенного периода свидетельствуют о том, что отантропонимные названия тяготели к модели, где адъектив выражен притяжательным прилагательным, а для образования названий улиц других типов использовалась модель «адъектив + термин», которая позднее становится наиболее продуктивной в топонимии города. Наблюдения показали, что большая часть рассмотренных именовании имеет славянское происхождение, и лишь некоторые — субстратное финно-угорское, опосредованное славянскими языками и диалектами. Описание исторической городской

топонимии, рассматриваемой в ситуационных условиях диалектного окружения, способствует определению особенностей говора нерехтской этнодиалектной зоны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ономастика; историческая топонимия; урбанонимия; историко-этимологический анализ; город Нерехта; нерехтская этнодиалектная зона; структурные модели топонимов

В фокусе внимания современной урбанонимии — широкий спектр вопросов: от разработки проблем собственно урбанонимов как отдельного объекта ономастики [Мадиева, Супрун, 2017; Разумов, Горяев, 2019; и др.], «моделей интегрального описания городского пространства» [Шмелева, 2019, 113], исследования семиотической структуры современного города и проблемы переименований [Голомидова, 2019; Разумов, 2020; и др.] до анализа системы названий отдельных городов [Теркулов, 2020; Асанов, 2015; Щербак, Асанов, 2015; и др.], фрагментов городского ономастикона (топонимы, агронимы и др.) [Егорова, 2018; Голикова, 2014; и др.] и т. д. Несмотря на усиливающийся в последнее время интерес к изучению топонимии провинциальных малых городов¹, особенности ее семантики, структуры и условия ее функционирования остаются недостаточно описанными. Важную роль здесь играет анализ урбанонимов в ситуационных условиях диалектного окружения: исследование связей топонимических названий малых городов с апеллятивной диалектной лексикой представляет интерес как для региональной ономастики, так и для решения проблемы членения говоров внутри того или иного диалектного объединения. На примере костромских говоров эту проблему обозначила Н. С. Ганцовская [2017]: используя материалы лингвистических карт Г. Г. Мельниченко, она выделила нерехтскую этнодиалектную зону, эскизно представив особенности ее говора, и высказала мнение, что «тип топонимики» — один из маркеров при характеристике этнокультурного пространства [Там же, 67].

Цель настоящего исследования — произвести историко-этимологический анализ топонимов Нерехты XVI в. с привлечением данных диалектологии, истории и этнографии. Основными источниками послужили исторические документы, в которых встречаются внутригородские названия средневековой Нерехты: духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. [ДГ], писцовые книги Московского государства [ПК], писцовая книга города Костромы [ПК Костромы]. Наиболее интересный из источников — писцовая книга Нагорной половины Костромского уезда письма Василия Афанасьевича Вельяминова и Пантелея Дмитриевича Усова, однако рукопись эта, видимо, не сохранилась [Каталог ПО, 121]. Тем не менее именно этот документ был в распоряжении М. Я. Диева, когда он работал над «Историей города Нерехты» (сер. XIX в.): ссылаясь на «приправочные писцовые книги Василия Вельяминова и Пантелея

¹ К малым относятся города с численностью населения до 50 тысяч человек.

Усова 1596–1594 годов», М. Я. Диев приводит описание Нерехты XVI в. При подготовке нашего исследования использовалась рукопись М. Я. Диева, хранящаяся в Костромском музее-заповеднике [КМЗ КОК], и современное издание этого труда, подготовленное к печати Т. Б. Кастальевой [Диев, 2014].

* * *

Средневековая Нерехта не являлась городом в классическом понимании: в ней отсутствовали защитные военные укрепления, а среди занятий населения преобладало аграрное производство. Все же благодаря развитию солеваренного промысла в XIII–XVII вв. и получению особых привилегий для солеваров Нерехта постепенно урбанизируется. Первое упоминание о поселении на данной территории относится к 1214 г. До получения официального статуса уездного города, который был присвоен Нерехте в 1778 г., она фигурирует в документах и как *волость Нерехта* (1406–1407), и как *город Нерехта* (1572) [ДГ, 442]; в 1719 г. Нерехта становится пригородом Костромской провинции [Диев, 1920, 67].

Наличие в недрах этих земель солевых запасов (что получило отражение в местной топонимии: р. *Солоница*, ул. *Усольская*²) предопределило ориентированность населения на солеваренный промысел. Из слобод крестьян, задействованных в добыче и производстве соли, которые, как можно предположить, селились вблизи варниц, складывался средневековый город: в XVI в. в Нерехте имелись храмовые и административные постройки, велась торговля. Одними из самых ранних топонимов Нерехты, зафиксированных в документах, стали названия соляных варниц, что вполне ожидаемо, если учитывать их «градообразующую» роль [Горлова, 2020]. К XVI в. в межевых и писцовых книгах встречается все больше названий, относящихся к топографии самой Нерехты, среди них упоминаются и некоторые названия улиц.

В градостроительстве Западной Европы направляющая и ориентирующая роль улиц начинает приобретать значение лишь в эпоху Ренессанса и получает развитие во времена господства в архитектуре барокко и классицизма; в Россию эти идеи проникают в XVIII в., во времена преобразований Петра I. В Средние века улиц в современном понимании не существовало: «дома строились без всякого порядка, с проходами вокруг каждого» [Миллер, Сытин, 1938, 5], в средневековом городе *улица* — это и ряд построек, вытянутых в линию (например, вдоль реки), и какой-либо район населенного пункта. В топонимии Нерехты XVI в. встречаются и такие термины, как *сторона* (*Борисоглебская сторона*, *Афанасьевская сторона*, *Зарецкая сторона*), *площадь* (*Борисоглебская площадь*, *Соборная площадь*), *слобода* / *слободка* в значениях ‘то же, что улица’ («монастырская Верхняя

² Улица появилась на плане города во второй половине XVIII в., ныне не существует.

слобода» [Диев, 2014, 16]; «на самом берегу реки Нерехты и под собором была слободка, называемая Шеретянская, или Шеретянка» [Диев, 2014, 18]), ‘часть улицы’ («в Нерехте ж на посаде на Егорьевской улице Троецкая слободка, а в ней 9 мест дворов» [ПК, 919]). К XVII в. в топонимии Нерехты уже превалирует термин *улица*, а *слобода* встречается реже, но отмечен случай онимизации: «на Борисоглебской стороне Слободка из шести дворов и одного дворового места» [Диев, 2014, 18]. Термин *слобода* «дожил» в Нерехте до XX в.: «Когда я маленькая была, взрослые иногда говорили *Верхняя слободка*, а где она была, я сейчас точно и не скажу, где-то у реки» (Нерехта, записано в 2017 г.)³.

Нами выявлены названия улиц, бытовавшие в Нерехте в XVI в.: *Борисоглебская*, *Бритвина*, *Вятская*, *Егорьевская*, *Ильинская*, *Кашиникова*, *Корсакова*, *Нагорная*, *Никольская*, *Сергиева слободка*, *Шадрина*, *Шартомская*. Эти названия можно разделить на несколько типов, отталкиваясь от характера номинации.

1. От антропонимные топонимы: *Бритвина*, *Кашиникова*, *Корсакова*, *Шадрина* улицы.

Бритвина улица — наименование предположительно мотивировано антропонимом (прозвищем и отпрозвищной фамилией) *Бритва* / *Бритвин*, который фиксируется начиная с XV в.: *Ивашко Бритва*, крестьянин Черенчинского погоста [Тупиков, 1903, 64], *Иван Бритва* (крестьянин, 1495 г., Новгород), *Дмитрий Бритвин* (помещик, 1608 г., Нижегородский уезд) [Веселовский, 1974, 50]. Е. Н. Полякова полагает, что основой современной пермской фамилии *Бритвин* стал патроним *Бритва*, упоминаемый в XVII в., и мотивирует его апеллятивом *бритва* ‘острый стальной инструмент’, а также ‘рыба рода сельдей’ [Полякова, 2005, 60] (И. А. Кюршунова считает, что связь антропонима *Бритвин* с апеллятивом *бритва* ‘рыба чехонь’ в волховских ленинградских говорах маловероятна [Кюршунова, 2010, 63]).

Кашиникова улица — ср. *Кашиников Микифор* (углицкий помещик, 1612) [Тупиков, 1903, 568]. По мнению И. А. Кюршуновой, на русском Северо-Западе мотивом возникновения антропонима *Кашиников* «стало название лица по роду деятельности, в древнерусском языке *кашник* — ‘тот, кто торгует кашей’» [Кюршунова, 2010, 209]. Мотивированность по роду деятельности кажется наиболее вероятной и для Костромского региона, ср. названия профессий, зафиксированные в писцовых книгах Костромы и образованные в рамках той же семантико-словообразовательной модели: *блинник*, *хлебник*, *пирожник*, *короваяшник*, *колачник* / *колашник*, *мучник*, *ржанник*, *крупеник*, *масленник*, *луковник*, *вандышник*, *рыбник*, *мясник*, *солоденик* и др.: «Лавка Фомки — кисельника» [ПК Костромы, 207], «Лавка Неустройка Иванова сына — рыбника» [Там же, 208], «Лавка Ондрюшки — орешника»

³ «...В половине XVI века упоминается на Афанасьевской стороне Мокрая слободка, а 1662 года на Борисоглебской стороне — монастырская Верхняя слобода» [Диев, 2014, 16].

[ПК Костромы, 214], «Двор Дружинки Васильева сына — крупеника. <...> Промысел его — торгует крупами» [Там же, 130].

Корсакова улица — личное именование *Корсак* (*Корсаков*, *Корсакович*) обнаруживается в источниках начиная с XV в. [Тупиков, 1903, 200, 590–591; Веселовский, 1974, 157]. Н. А. Баскаков считает, что фамилия *Корсаков* «имеет своей основой русское слово *корсак* ‘вид небольшой лисицы’ <...> заимствованное из тюркских языков кыпчакской группы» [Баскаков, 1979, 73]. Выдвигается предположение о связи рус. *Корсаков* с литовской фамилией *Kórsak*: «*kórsak* в этом случае — от названия балтийского племени *корсь*, обитавшего в Курземе» [Федосюк, 1972, 99]. В нерехтских говорах, как и в целом в костромских, апеллятив *корсак* не зафиксирован.

Шадрина улица — вероятно, от фамилии *Шадрин*, которая восходит к древнерусскому мужскому личному имени *Шадра*, распространенному среди разных сословий и на обширной территории [Тупиков, 1903, 434, 835]: *Иван Васильевич Шадра Вельяминов* (вторая половина XV в.), *Козел Дмитриевич Шадрин* (1500 г., Новгород), *Григорий Никифорович Шадрин* (1526 г., Москва) [Веселовский, 1974, 359], *Якушко Гаврилов сын Шадра* (1685 г., Ярославль) [ПК Ярославля, 623]. Семантика антропонима связана с диалектным апеллятивом *шадра* ‘природная оспа’ (< тат. *šadra* ‘рябой’ [Фасмер, 4, 394]), которое встречается в большинстве говоров Русского Севера [Мызников, 2019, 900]. В костромских говорах также отмечены производные этой лексемы: *шадрина* / *шадринка* ‘небольшой шрам, след от оспы на лице, болячка’ (Буйск., Вохом., Красн., Макар., Мантур.) [ККОС; Ганцовская, 2, 190], *шадра-бадра*, *шадрушка* ‘прозвище человека, лицо которого испещрено следами от оспы’ (Кологр.), *шадровитый* ‘покрытый следами оспы’ (Галич., Кологр., Костром., Нейск., Парф., Солиг.) и т. д. [Ганцовская, 2015, 421]. Слова с основой *шадр-* функционируют также в топонимии: по данным [КЛАДР], в России на настоящий момент существует 22 топонима (названия улиц, деревень, сел) с этим корнем.

2. От экклезионимные годонимы⁴: *Борисоглебская*, *Ильинская*, *Никольская улицы*.

Борисоглебская улица — название входило в состав топонимической микросистемы *Борисоглебский собор*, *Борисоглебская сторона*, *Борисоглебский колодезь*, где ядром выступал экклезионим *Борисоглебский собор* / *собор Бориса и Глеба*. В XVIII в. *Борисоглебская улица*, видимо, исчезает с карты города в связи со строительством Казанского собора (1709–1713) на месте деревянного собора свв. Бориса и Глеба, а также с изменениями в планировке города после большого пожара 1785 г. и учреждением новых улиц. В [КСС] (издано в 1911 г.) встречается только экклезионим *Борисоглебская церковь*.

⁴Экклезионимы, в свою очередь, имеют отантропонимное происхождение.

Ильинская улица — по названию *Ильинской церкви*. После пожара 1785 г. на этом же месте возвели каменную Преображенскую церковь с престолом Ильи Пророка в нижнем храме. Несмотря на изменение официального названия экклезионима в XVIII в., Преображенскую церковь и в наши дни нерехтчане предпочитают именовать *Ильинской*.

Никольская улица («была расположена по обеим сторонам [реки] и состояла из 14 дворов и 1 пустого дворового места» [КМЗ КОК, л. 25]) — по названию *Никольской церкви*. В 1709 г. деревянная Никольская церковь сгорела, в 1710 г. было получено разрешение на строительство каменного Божоявленского храма с приделом Николая Чудотворца, который и ныне находится на левом берегу р. Нерехта. Никольский храм был доминирующим архитектурным элементом и противопоставлялся Борисоглебскому собору, стоящему на правой стороне реки. Отсюда названия правобережной и левобережной частей города: *Борисоглебская сторона* и *Никольская сторона*.

Свои исторические названия улицы *Ильинская* и *Никольская* сохранили вплоть до начала XX в. — времени, когда начались масштабные переименования, связанные с политическими изменениями в стране. Как географические объекты они и по сей день существуют на карте города, но под другими названиями: *Ильинская* — ул. *Розы Люксембург*, *Никольская* — ул. *Володарского*. При этом неофициальные названия *Никольская*, *Ильинская* по-прежнему функционируют в разговорной речи нерехтчан: «...дом-от они тогда поставили на Никольской стороне», «...а ты у Ильинской [церкви] сверни и иди потом прямо, по Нерехтской [улице]» (Нерехта, записано в 2017 г.).

Выше речь шла о случаях, когда название улице давалось по именованию расположенной здесь храмовой постройки. Разберем теперь ситуации, когда объект, названный мотивирующим топонимом, находился в значительном удалении от Нерехты.

Улица Сергиева слободка — название связано с *Троице-Сергиевой лаврой*: будучи крупным экономическим субъектом, этот монастырь владел собственностью далеко за пределами прилегающих территорий. В Нерехте лавре принадлежало несколько варничных мест: «Сергиева монастыря два места варнишных, место варнишное Перепелка, да место варнишное Бурко» [Диев, 2014, 12].

Во всех приводившихся случаях производящие для топонимов экклезионимы имели отантропонимное происхождение. Исключением в этом списке является **Шартомская улица**: она названа по *Николо-Шартомскому монастырю*, имя которого, в свою очередь, имеет оттопонимное происхождение и соотносится со старинным субстратным названием реки *Шартома* (ныне *Шахмахта*). Монастырь расположен в с. Введенье Шуйского района Ивановской области, но был собственником нерехтских варниц: «место варнишное Векша, что была варница Николы Шартомского монастыря» [Диев, 2014, 12].

3. Годонимы, содержащие во внутренней форме указание на характер окружающего ландшафта.

Нагорная улица располагалась на правом берегу р. Нерехта, на восточной границе города. Характерно, что в Поволжье правый берег реки принято называть *нагорным*, а левый — *луговым* [Даль, 2, 395]. Н. С. Ганцовская и Г. Д. Неганова, исследуя народно-разговорную лексику произведений А. Н. Островского, также отмечают употребление названий и географических терминов с корнем *гор-* по отношению к правому берегу Волги [Ганцовская, Неганова, 2012, 158; Неганова, 2013, 254]. В «Истории города Нерехты» М. Я. Диева есть упоминание *луговой и нагорной сторон*: «28 декабря Кострома была взята Лисовским, пришедшим, заметно, луговою стороною из Данилова, после того как он разбил Монастырского в Данилове (речь идет о левобережье Волги. — Т. Г., Г. Н.)» [Диев, 2014, 14]; «Лисовский <...> прибыл нагорною стороною (правобережье Волги. — Т. Г., Г. Н.) подать помощь своим клеветам, стесненным в костромском Ипатском монастыре» [Там же, 15].

Эта номинативная оппозиция отражает реальную физико-географическую ситуацию: было замечено, что «за немногими местными исключениями, находящими себе легко объяснение, правый берег таких рек является крутым и более или менее высоким, между тем как левый представляет более или менее обширную низменную луговую долину <...> Наблюдения на месте, исторические факты и рассказы местных жителей, подтверждаемые особенностями геологического строения, свидетельствуют в пользу постоянной упорной деятельности реки, направленной к тому, чтобы подмыть крутой правый берег и хотя медленно, но постоянно отступать от левого, оставляя за собою низменную луговую террасу» [ЭС, 5, 272]. Несмотря на то что река Нерехта имеет довольно пологие берега, так как протекает по низменной местности, все же правый берег возвышается над левым. Возможно, раньше эта разница была более заметной, что отразилось и в местной топонимии.

4. Отдельная группа — годонимы, установление реальных обстоятельств наименования которых затруднено (*Егорьевская, Вятская улица*).

Годоним **Егорьевская улица** хочется объединить с рядом нерехтских топонимов: *церковь св. Егория (Георгия), сельцо Егорьевское, сельцо Егорьево, Егорьева гора*⁵, но эта улица не была связана ни с одним из номинируемых объектов про-

⁵ М. Я. Диев, повествуя о событиях, которые относятся к началу XVIII в., дает достаточно точное указание на местоположение *Егорьевой горы*: «Серную руду нашел Нерехтского Девичьего м-ря священник Иаков Иванов: шедши из леса <...> увидел, что на Егорьевой горе сверкает, как золото, закричал: “Слово и дело государя!” <...> Завод был против деревни Окулихи, на противоположном берегу реки Нерехты, от города на западе в одной версте» [Диев, 1920, 68]. Район *Егорьевой горы* становится частью города лишь в XX в., а *Егорьевская улица* в XVI в. упоминается как часть посада: «в Нерехте ж на посаде на Егорьевской улице Троецкая слободка, а в ней 9 мест дворов» [ПК, 919]. Отметим, что название *Егорьева гора* демонстрирует удивительную устойчивость, в речи нерехтчан в настоящее время распространен неофициальный хороним *Егорьева гора*: «А он на Любке с Егорьевой горы жонился» (Нерехта, записано в 2017 г.).

странственными отношениями. Кроме того, трудно определить, имеет ли этот топоним отантропонимный или отэклезионимный характер.

Вятская улица — можно предположить, что название мотивируется отношением к путям сообщения: так, в XVIII в. в Нерехте были *Костромская, Ярославская, Нижегородская, Суздальская улицы*, которые являлись своеобразными указателями направлений. Однако достоверных сведений, которые подтверждали бы связь названия *Вятской улицы* с направлением на город Вятка, отсутствуют.

Не исключено также, что рассматриваемое название образовано от антропонима *Вятка*. Имя зафиксировано в различных источниках начиная с XIII в.: *Кузьма Вятка Яковлев сын Сахарусова* (дворецкий Московского митрополита, 1498), *Степан Вятка Даурский* (казачий пятидесятник, 1663), *Вятко Новгородец* (1225) [Тупиков, 1903, 101] и т. д. Однако структурная модель, использованная для образования названия *Вятская улица*, ставит под сомнение предположение об отантропонимной мотивированности: в топонимах отантропонимного происхождения этого периода аффиксы, как правило, выражены притяжательным прилагательным (ср.: улицы *Бритвина, Кашикова*).

Вероятна связь топонима с катойконимом *вятчане* — так называли выходцев из Вятской земли: может быть, свое название *Вятская улица* получила по наименованию поселенцев, прибывших в Нерехту с Вятской стороны. Однако сведений, подтверждающих данное предположение, не имеется.

Кроме того, нельзя исключать возможность метафорической номинации. В говорах апеллатив *вятка* имеет значения ‘клин или ножка, чересполосный участок земли, вдавшийся узкой полосой в чужие земли’ (ряз.) [Даль, 1, 338], ‘пашня’, ‘соха, выкованная в кузнице’ (арх.) [АОС, 9, 17]. Река Нерехта в той местности, где предположительно находилась *Вятская улица*, делает изгиб, образуя своеобразный клин, — возможно, такой характер ландшафта мог послужить мотивом для метафорической номинации.

* * *

В завершение вкратце опишем структурные особенности топонимов Нерехты XVI в. Предпочтительной является структурная модель «аффиксы + термин», при этом распространены образования от основ, выраженных отсубстантивными относительными прилагательными с суффиксом *ск-* (*Шартомская, Ильинская, Борисоглебская, Вятская, Егорьевская улицы*). Впоследствии — начиная с XVII в. — данная модель становится едва ли не единственно возможной (возникают улицы *Кладбищенская, Варваринская, Суздальская, Костромская* и др.).

Кроме того, встречаются названия, где аффиксы, образованный от антропонима, выражены притяжательным прилагательным (*Бритвина, Кашикова*,

Корсакова, Шадрина улицы). Отмечен и единственный случай, где один из компонентов названия представлен словосочетанием, а другой является термином (*улица Сергиева слободка*). Такая модель весьма характерна для современной городской онимии и чужда топонимии средневекового города. Возможно, это показатель буферного состояния термина в составе онима: *слобода* заменяется на термин *улица*, при этом не исчезает из состава онима, а переходит в состав именной части (ср. село *Троице-Слободское* в Ярославской области).

Источники

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М. : Изд-во МГУ, 1980—. Вып. 1—*Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.
- Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома ; М. : КГУ им. Н. А. Некрасова : Книговек, 2015.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1989–1991.
- ДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. Л. В. Черепниним. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Диев М. Я.* Город Нерехта в XVIII и в первой половине XIX века. Кострома : Советская тип., 1920.
- Диев М. Я.* История города Нерехты / предисл. и подгот. Т. Б. Кастальевой. Кострома : ЛинияГрафик, 2014.
- Каталог ПО — Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV — начала XVII века (Предварительный список) / сост. К. В. Баранов. М. : Древлехранилище, 2015.
- ККОС — картотека «Костромского областного словаря» (хранится в Костромском государственном университете).
- КЛАДР — Классификатор адресов России. URL: kladr-rg.ru (дата обращения: 01.05.2020).
- КМЗ КОК — *Диев М. Я.* История г. Нерехты // Костромской музей-заповедник. КОК 24761.
- КСС — Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии : справ. книга. Кострома : Губ. тип., 1911.
- ПК — Список с писцовой книги 7101 (1592–1593) г. земель Троице-Сергиева монастыря в волостях Нерехте и Емстне и станах Сорохотцком, Вятском, Черном, Шачебольском и Андомском, письма и меры Третьяка Вельяминова и подьячаго Казарина Федорова // Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1 / под ред. Н. В. Калачова. СПб. : Тип. II отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. С. 893–919.
- ПК Костромы — Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. / подгот. Л. А. Ковалевой. Кострома : Костромаиздат-850 : Промдизайн-М, 2004.
- ПК Ярославля — Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. // Труды Ярославской ученой архивной комиссии. 1913. Кн. 6. Вып. 3/4.
- Тушиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- ЭС — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1890–1907.

Исследования

- Асанов А. Ю.* Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2015.
- Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979.

- Ганцовская Н. С. Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. С. 65–70.
- Ганцовская Н. С. Костромские говоры : в 2 т. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2018.
- Ганцовская Н. С., Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика в Частотном словаре языка А. Н. Островского // Щельковские чтения — 2011 : А. Н. Островский и его эпоха / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2012. С. 155–159.
- Голикова Т. А. Официальные vs. неофициальные топонимы Москвы: модели трансноминизации // Научный диалог. 2014. № 9 (33). С. 24–36.
- Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30.
- Горлова Т. В. К истории урбанонимии провинциального города: названия варнишных мест старинной Нерехты // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 287–293. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-287-293>
- Егорова Л. В. Опыт сопоставительного исследования топонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2018.
- Кюришнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 2. С. 115–125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014
- Миллер П. Н., Сытин П. В. Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы. М. : Московский рабочий, 1938.
- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
- Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика народно-разговорного характера в частотно-аналитическом словаре языка А. Н. Островского // Диалектная лексика — 2013 / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 254–259.
- Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005.
- Разумов Р. В. Переименование городских топографических объектов и проблемы экспертизы названий // Человек в информационном пространстве / под науч. ред. Т. П. Курановой. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2020. С. 96–102.
- Разумов Р. В., Горяев С. О. Урбанонимическая терминология: системы и проблемы // Научный диалог. 2019. № 9. С. 130–145.
- Теркулов В. И. Изучение урбанонимии в лингворегиональных исследованиях // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. : в 2 т. / под науч. ред. Н. С. Ганцовской, В. И. Супруна. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2020. Т. 2. С. 177–184.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Федосюк Ю. А. Русские фамилии : популярный этимологический словарь. М. : Детская литература, 1972.
- Шмелева Т. В. Ономастический портрет города как модель интегрального описания // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. / сост., ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печатный двор, 2019. С. 112–117.
- Щербак А. С., Асанов А. Ю. Принципы построения урбанонимической системы // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. № 10 (150). С. 194–199.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях районов Костромской области

Буйск.	Буйский	Макар.	Макарьевский
Вохом.	Вохомский	Мантур.	Мантуровский
Галич.	Галичский	Нейск.	Нейский
Кологр.	Кологривский	Парф.	Парфеньевский
Костром.	Костромской	Солиг.	Солигаличский
Красн.	Красносельский		

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	ряз.	рязанские
------	---------------	------	-----------

* * *

Горлова Татьяна Владимировна

аспирант, начальник отдела сопровождения
публикационной деятельности
Костромской государственной университет
156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17
E-mail: tat4060@yandex.ru

Gorlova, Tatiana Vladimirovna

Graduate Student, Head of the Department
of Publishing Support
Kostroma State University
17, Dzerzhinsky Str., 156005 Kostroma, Russia
Email: tat4060@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2942-7951>

Неганова Галина Дмитриевна

кандидат культурологии, старший
научный сотрудник учебно-научной
исследовательской лаборатории
«Лексикология и лексикография»
Костромской государственной университет
156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17
E-mail: g_neganova@ksu.edu.ru

Neganova, Galina Dmitrievna

PhD, Senior Researcher
Laboratory "Lexicology and Lexicography"
Kostroma State University
17, Dzerzhinsky Str., 156005 Kostroma, Russia
Email: g_neganova@ksu.edu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Tatiana V. Gorlova

Galina D. Neganova

Kostroma State University
Kostroma, Russia

**HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL INTERPRETATION
OF THE OLD STREET NAMES OF THE TOWN OF NEREKHTA
IN CENTRAL RUSSIA**

The paper presents the results of the historical and etymological analysis of 16th-century street names of Nerekhta, a small provincial town in Central Russia, known since the beginning of the 13th century. Nerekhta has been developing along with Kostroma, Yaroslavl, and Moscow and was known as one of the centers of salt production in medieval Russia; now it is a regional

center of the Kostroma region. The sources of the study were scribe books, spiritual and contractual letters, as well as data from the card index of the Kostroma Regional Dictionary and field records made in Nerekhta and the Nerekhtsky district in 2017–2019. The names of historical streets of Nerekhta are grouped according to their motivation: 1) deanthroponymic names, 2) names derived from ecclesionyms, 3) names referring to landscape features, 4) names with obscure motivation. Using dialectological, historical and ethnographic information, the study attempts to unveil the connections between proprial and appellative lexemes in the respective ethno-dialectal area. In terms of structure, deanthroponymic street names of Nerekhta commonly contain a possessive adjective, whereas other types of names adhere to the “adjective + term” pattern, which later becomes the most productive in the town’s hodonymy. Observations have shown that most of the considered names are of Slavic origin, and only a few are a Finno-Ugric substrate, mediated by Slavic languages and dialects. The analysis of historical urban toponymy against a situational context of the dialect environment contributes to understanding the dialect features of the Nerekhta ethno-dialectal zone.

К е у о r d s: onomastics; historical toponymy; urbanonymy; historical and etymological analysis; city of Nerekhta; ethno-dialect zone; structural models of street names

- Asanov, A. Yu. (2015). *Urbanonimiia goroda Tambova v lingvokognitivnom aspekte* [Urbanonymy of the City of Tambov in the Linguo-cognitive Aspect] (Doctoral dissertation). Tambov State University, Tambov.
- Baskakov, N. A. (1979). *Russkie familii tiurkского proiskhozhdeniia* [Russian Surnames of Turkic Origin]. Moscow: Nauka.
- Egorova, L. V. (2018). *Opyt сопоставitel'nogo issledovaniia godonimikona dvukh respublik Povolzh'ia (Chuvashii i Marii El)* [A Comparative Study of Street Names of Two Republics of the Volga Region (Chuvashia and Mari El)] (Doctoral dissertation). Chuvash State University, Cheboksary.
- Fedosyuk, Yu. A. (1972). *Russkie familii: populiarnyi etimologicheskii slovar'* [Russian Surnames: A Dictionary of Popular Etymology]. Moscow: Detskaia literatura.
- Gantsovskaya, N. S. (2017). Govory Kostromskoi oblasti: problemy vnutrennego chleneniia [Dialects of the Kostroma Region: The Problems of Internal Division]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23, 65–70.
- Gantsovskaya, N. S. (2018). *Kostromskie govory* [Dialects of the Kostroma Region] (Vols. 1–2). Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova.
- Gantsovskaya, N. S., & Neganova, G. D. (2012). Landshaftnaia leksika v Chastotnom slovare iazyka A. N. Ostrovskogo [Landscape Vocabulary in the Frequency Dictionary of Alexander Ostrovsky's Language]. In I. A. Edoshina (Ed.), *Shchelykovskie chteniia — 2011: A. N. Ostrovskii i ego epokha* [Shchelykov Readings — 2011: Alexander Ostrovsky and his Time] (pp. 155–159). Kostroma: Avantitul.
- Golikova, T. A. (2014). Ofitsial'nye vs. neofitsial'nye godonimy Moskvy: modeli tranonimizatsii [Official vs. Unofficial Street Names of Moscow: Models of Transonymization]. *Nauchnyi dialog*, 9(33), 24–36.
- Golomidova, M. V. (2019). Urbanonimy kak resurs upravleniia vospriatiem gorodskogo prostranstva [Urbanonyms as a Resource for Managing the Perception of Urban Space]. *Kommunikativnye issledovaniia*, 6(1), 11–30.
- Gorlova, T. V. (2020). K istorii urbanonimii provintsial'nogo goroda: nazvaniia varnishnykh mest starinnoi Nerekhty [On the History of Urbanonymy of a Provincial Town: Names of Places of Salt Making in Old Nerekhta]. *Neofilologiya*, 6(22), 287–293. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-287-293>

- Kyurshunova, I. A. (2010). *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoi Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of Non-calendar Personal Names, Nicknames and Family Nicknames of North-Western Russia in the 15th–16th Centuries]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Madieva, G. B., & Suprun, V. I. (2017). Sistema sovremennoi russkoi urbanonimicheskoi terminologii [The System of Modern Russian Urbanonymic Terminology]. *Voprosy onomastiki*, 14(2), 115–125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014
- Miller, P. N., & Sytin, P. V. (1938). *Proiskhozhdenie nazvanii ulits, pereulkov, ploshchadei Moskvy* [The Origin of the Names of Streets, Lanes, Squares in Moscow]. Moscow: Moskovskii rabochii.
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Neganova, G. D. (2013). Landshaftnaia leksika narodno-razgovornogo kharaktera v chastotno-analiticheskom slovare yazyka A. N. Ostrovskogo [Landscape Vocabulary of Folk Colloquial Nature in the Frequency-analytical Dictionary of Alexander Ostrovsky's Language]. In O. N. Krylova (Ed.), *Dialektnaia leksika — 2013* [Dialectal Vocabulary — 2013] (pp. 254–259). St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Polyakova, E. N. (2005). *Slovar' permskikh familii* [Dictionary of Perm Surnames]. Perm: Knizhnyi mir.
- Razumov, R. V. (2020). Pereimenovanie gorodskikh topograficheskikh ob"ektov i problemy ekspertizy nazvanii [Renaming of Urban Topographic Objects and Problems of Name Examination]. In T. P. Kuranova (Ed.), *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [Man in Informational Space] (pp. 96–102). Yaroslavl: YaGPU im. K. D. Ushinskogo.
- Razumov, R. V., & Gorjaev, S. O. (2019). Urbanonimicheskaja terminologija: sistemy i problem [Urbanonymic Terminology: Systems and Problems]. *Nauchnyi dialog*, 9, 130–145.
- Shcherbak, A. S., & Asanov, A. Yu. (2015). Printsipy postroeniia urbanonimicheskoi sistemy [Inherent Principles of the Urbanonymic System]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"*, 10(150), 194–199.
- Shmeleva, T. V. (2019). Onomasticheskii portret goroda kak model' integral'nogo opisaniia [Onomastic Portrait of the City as a Model of Comprehensive Description]. In V. L. Vasilyev (Ed.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 7th International Conference] (pp. 112–117). Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor.
- Terkulov, V. I. (2020). Izuchenie urbanonimii v lingvoregional'nykh issledovaniiax [The Study of Urbanonymy in Linguo-regional Research]. In N. S. Gantsovskaya, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 8th International Conference] (Vol. 2, pp. 177–184). Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.

Received on 29 December 2020